

# ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

## И на «игле» можно сидеть с комфортом (опыт экономической публицистики)

**Мамедов Окай Юсуфович**

доктор экономических наук, профессор,  
заведующий кафедрой политической экономики и экономической политики  
экономического факультета Южного федерального университета,  
главный редактор журнала «Terra Economicus», заслуженный деятель науки РФ  
oktaj-mamedov@yandex.ru

**Ключевые слова:** моноэкономика, «нефтяная игла», «иглоукалывающее производство», особенности распределения в моносекторном производстве

**Keywords:** mono product economy, oil dependent economy, specifics of industrial production allocation in mono economy

### Не пора ли заняться строительством Экономики?

Что скрывать, нашему населению так давно объясняли, что мы сидим на «нефтяной игле», что все это поняли. И теперь призывы слезть с этой иглы пользуются уважением и поддержкой.

Но я осмелюсь не согласиться: какая польза от того, что мы слезем с одной иглы только для того, чтобы тотчас взобраться на другую? Неужели не ясно, да еще экономистам, к тому же, хотя и сбежавшим, но все-таки бывшим политэкономам, что дело не в игле — **антиэкономическое устройство нашей экономики делает «иглой» все, что в нее попадет.** Как это случилось, например, со знаменитым «фиатом», купленным Хрушевым у Италии, — сначала им поперхнулась наша «экономика», но зато вскоре и сам фиат, к радости купивших его, задохнулся в нашей антиэкономической среде.

Если бы сегодня отыскался изгнанный — под улюлюканье экономикстов, математиков, экономфизиков, маркетологов,

менеджеров и прочих полуэкономистов — политэконом, он бы объяснил слышавшим и слушающим: **для любой моноэкономики решающее значение имеет не производство, а распределение.** Извините, экономисты этого, видимо, не знают?

Да где взять-то его, политэнома? Повывели всех, даже студенты экономфака освобождены от знания, что представляет собой товар и каковы его две стороны. Бессмысленная операция «Антиполитэкономия» показала то, мы теперь хорошо видим, — если что и приносит «плоды», так это — экономическое невежество; вот мы и пожинаем результаты разрушительного незнания — неполитэномам немила «нефтяная игла», они готовы ее стереть с поверхности нашей страны, но только политэконом знает, что дело не в игле... Зачем же наводить напраслину на бесценный природный дар, доставшийся нам по чудному промыслу?

Хотите знать правду? Да что тут непонятного — **все дело в устройстве экономики**. А вот этого никто не говорит, — то ли действительно не знают, то ли знают, да боятся. Кстати тут будет вспомнить и об упомянутых, да напрочь забытых двух сторонах товара. Созданием первой, видимой, чувственной, овеществленной стороны (называемой — напомним для так и не удосужившихся хотя бы чуточку познакомиться с политической экономией, — «потребительной стоимостью», или «полезностью») занимается производство, и если ему, производству, не мешать, то оно создаст требуемую потребительную стоимость в виде качественного, конкурентоспособного, тактильно-осязаемого товара в огромном количестве. А что значит — «не мешать»?

А вот это показала вся история нашей российской многострадальной экономики, которой мешали все, и, прежде всего, — начальство. Причем мешало на протяжении многих столетий и последних десятилетий, искажая, извращая, подгоняя естественный ход развития экономики. Да и сейчас, уничтожая предпринимательство, изгоняя капиталы, клеймя либерализм и коммерчество, мы вновь ампутуруем у экономики ее «руки-ноги». А затем как крррикнем — «А ну, бежать!» Да куда ж она, горемычная, растратившая последние силы на всякого рода амбициозные проекты, без рук, без ног, побежит?

Дело в том, что **производство может все, оно только не может без экономики, которая — вниманию всех! — занимается тем, что создает вот эту вторую, неизвестную не только студентам, но и маститым «экономистам», невидимую сторону товара, — ту сторону, создание и движение которой только и превращает «производство» в «экономику».**

И называется эта вторая сторона — СТОИМОСТЬ. Создать первую сторону товара (потребительную стоимость)

может даже внеэкономическая первобытность, а вот **создать вторую сторону (стоимость) может только экономика**.

Это знают политэкономы, но этого не знают лжеэкономисты и внимающее им начальство. Мы погибаем от неумения, нежелания, презрения и ненависти к созданию самой главной стороны товара — СТОИМОСТИ. А ведь между странами идет основное соревнование вовсе не между созданием потребительной стоимости (хотя наше начальство в советские времена умудрилось и это сделать проблемой — люди не могли купить ни одежды, ни еды из-за их нехватки), а в сфере создания СТОИМОСТИ. А поскольку СТОИМОСТЬ создается с помощью экономики — открытой, либеральной, конкурентоспособной (и другого способа создания СТОИМОСТИ еще человечеством не изобретено), то и непонимание того, что есть экономика, что есть СТОИМОСТЬ, и сегодня не позволяет нам создать Экономику, произвести конкурентоспособный объем стоимости. Вот мы и ходим по замкнутому кругу — строим завод, другой, третий, — а экономики как не было, так и нет. Когда же начальство поймет, что стоимость создается не заводами, не фабриками, не колхозами, а — ЭКОНОМИКОЙ, то есть — ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА!

Умение создавать невидимую, то есть стоимостную, сторону товара — тончайшее, потрясающее социальное искусство, поскольку требуется создать тончайшие, невидимые экономические отношения. Здесь можно провести такую, понятную даже неэкономистам, аналогию — как молодоженов надо оставлять наедине, чтобы они зачали следующее поколение, так и экономику хотя бы иногда надо оставлять в покое, чтобы экономические отношения самовозникали, раз мы не умеем их строить.

В противном случае, наши экономисты (при отсутствии экономики

исполняющие комедийную роль «генералов без армии»), имея страну со всей таблицей Менделеева, да еще и в неограниченных количествах, так и будут заниматься «индексами хирша» вместо индексов экономического развития страны.

Смешно смотреть, как отечественные экономисты вдруг дружно обрушились на нефть — такая-сякая, ввергла нас в «голландскую болезнь», и чего только еще не понаписали и не навесили на преступницу по имени «нефть». А ведь нефть — наша кормилица, уже много десятилетий подкармливающая хиленькое отечественное производство, которое, из-за выдающейся роли нефти, впору именовать «петро-производством».

И чем же вам, коллеги-экономисты, не потрафила нефть? И кормила, и поила, и обеспечивала импорт, да все никак не угодила. Да, благодарность не входит в число профессиональных компетенций экономистов. И очень жаль.

\* \* \*

Этим летом я был в Швейцарии, в стране с удивительной экономикой — НИКАКИХ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ СУПЕРЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ НЕ ИМЕЕТСЯ, — ни одной буровой скважины, ни одного нефтяного месторождения, есть только горы, тоннели и альпийские луга. Все. Есть только суровая природа. Нет даже предпосылок для создания производства. Нет? И не надо, — решили швейцарцы, — еще лучше, мы создадим прямо Экономику. И создали. Это — невероятно: на свете есть несколько стран, доказавших, что может быть «Экономика без Производства», страны, с, так сказать, — «чистой» («только») экономикой.

Да, у Швейцарии — особая, я бы сказал, «транзакционная экономика», тоже, своего рода, «игла», только еще

в гораздо большей степени, чем нефтяная, ненадежная, — экономический кризис, особенно, если — мировой, он всегда финансовый, поэтому может убить швейцарскую экономику «в два счета». Может, да вот странно, — она только процветает, выходя из кризиса все сильнее и сильнее. Вас бы, господа отечественные экономисты, недовольных обилием нефти и всего другого несметного природного богатства, разбросанного по всем российским просторам, впихнуть бы в малюсенькую швейцарскую экономику, к тому же разделенную на кантоны, а там — на муниципалитеты, да еще зажатую со всех сторон горами, и народ, говорящий на четырех языках, и зорко надзирающие за неприкосновенностью своих гражданских, коммунальных, кантональных и конфедеративных прав, — интересно, что бы вы запели? Мы когда-нибудь научимся уважать хоть кого-нибудь, хоть чей-то опыт, хоть чьи-то заслуги? И, учась уважать других, может, тогда и себя уважаем, но не за незасеянные просторы или выкачанную нефть, а за плодотворные, реально плодотворные усилия по строительству ЭКОНОМИКИ. А бездарно растроченные усилия, — кого этим удивишь? Разве что подобные же страны-бедолаги?

А вот вам норвежская экономика — самая экономически-развитая страна мира, тоже сидит на «игле», даже двух, — нефти и рыбе, вариант «швейцарской чистой экономики»? А Исландия, где из богатств — только Гольфстрим, да ледники? А ведь — одна из самых развитых стран мира. И не смотрите, что там только триста тысяч человек населения, — если бы мы своей экономической мыслью помогли бы исландцам, много бы их там осталось? Не хотите ли, господа, поехать в Исландию с советами?

Сколько же стран сидит на «иглах», и ничего? Даже США, об опыте которой мы даже слышать не хотим, тоже

сидит на «игле», причем самой острой, потому что — продвинутой, и этим — наиболее опасной, — и для нее, и для окружающих ее стран. И называется эта игла — «инновационное предпринимательство», невероятно тяжкое бремя которой в том-то и состоит, что с этой ношей нельзя бежать с транспарантами и лозунгами, здесь возможно оставаться лидером только при условии, что хорошо понимаешь, куда и зачем бежишь, да еще надо мчаться с такой прытью, чтобы никто не мог догнать. А Азербайджан со своей «нефтяной иглой»? А Иран? А Саудовская Аравия? А «кокосовые» и «банановые» иглы?

Словом, **мировая экономика целиком состоит из «игл» — разной высоты, на которых с разной степенью страданий уселись практически все страны. И хотя все эти «иглы» воткнуты рассеянными странам в одно и то же место, но сила боли определяется иным — эффективностью построенной национальной экономической системы. Чем она эффективнее, тем комфортнее сидеть на «игле», — таков основной закон «смитовской» экономики абсолютных и относительных конкурентных преимуществ.**

\* \* \*

Это — постановка проблемы. Затем я предполагаю объяснить, что превратило нашу кормилицу — нефтедобывающую отрасль — в хулимую всеми «иглу». А потом уже изложить свою концепцию взгляда на динамику нефтяных цен.

### **В «иглоукалывающей» экономике распределение важнее производства**

Полузабытая наука — политическая экономия, — обязательно отомстит за свое несправедливое изгнание. И не потому, что об этом мечтают политэкономы, которых изгнание превратило в сектантов, а потому, что иного, подлинно научного, объяснения сущности

экономики, в том числе и «игольчатой», на белом свете не существует. Если в политэкономии не заинтересовано Общество, то в ней заинтересованна Экономика, а это — гораздо важнее. Может, потому и расправились с политэкономией, что она прямо препятствует, как говаривал известный герой, субъективизму и волюнтаризму в Экономике, не позволяя ее насиловать по идеологическим выкройкам?

Реальная наука возникает тогда, когда реально существует изучаемый ею объект. Поэтому политэкономия, как бы над не измывались неофиты экономикса, жива, потому что сохраняется *политико-экономическое устройство общественного производства*. Ее, конечно, можно убрать — как учебную и научную дисциплину, но тем хуже будет для общества. Это, как если бы устранили астрономию, — а Солнце всходит и заходит...

Здесь, правда, возможны удивительные гносеологические ситуации, например, объект — есть, а изучающей его науки — нет, или — наоборот: наука — есть, а изучаемого ею объекта — нет. В этом — единственное различие между науками и лженауками. Не будем обращаться за примером к алхимии, есть гораздо более близкие экономистам примеры: если, скажем, в стране нет экономики, а только производство, которому еще предстоит перерасти в экономику, то в ней нет и не может быть экономической науки, а есть лишь пародия на нее. Так, во времена Маркса Германия находилась на предэкономической стадии. Поэтому-то Маркс, не желая тратить время на изучение дорыночного германского хозяйства, и уехал в Англию, изучать реальную экономику, а, изучив ее, сообщил немцам, что их участь — повторить закономерности «английского» пути к капитализму. В советские времена этот прогноз Маркса относительно экономического будущего Германии воспринимался как аксиома, —

но вы попробуйте повторить этот прогноз для российской экономики, — сразу же начнется крик, — «Как? Вы отрицаете особый путь России и ее экономики? Вы хотите, чтобы наша экономика развивалась по „западным экономическим законам“?» И невдомек кричащим, что экономика — такой же феномен, как природа, что экономические законы — аналогичны законам физики, и вопрошать негодуя — «Вы хотите, чтобы мы жили по западным экономическим законам» так же глупо, как спрашивать — «Вы хотите, чтобы наши российские атомы двигались по законам, открытым западными физиками?»

В том-то и беда, что наша экономика, или то, что мы принимаем за экономику, на самом деле является слишком политизированной, так сказать, «политической экономикой», для которой политические и идеологические решения оказываются гораздо более важными, чем собственные тенденции самой экономики. А это и есть идеологическое насилие политики над экономикой. И такое насилие длилось весь XX век, продолжается и сегодня.

Но такое всегда происходит там, где слаба экономика, и где ее слабость усиливает политику. Базис (экономика) и надстройка (политика), два необходимых элемента общественной структуры, всегда находятся в противоборстве: там, где слабое производство, там верховодит и безобразничает политика; там же, где окрепла экономика, политика уже посажена на экономический «поводок».

Теперь понятно, почему оказалась неугодной политическая экономия — наука о настоящей, а не дрессированной, экономике. И почему вдруг именно либеральная экономика объявлена у нас врагом всего — общества, политики, экономики, идеологии? Да потому, что либеральная экономика не совместима с политикой диктата в экономической сфере общества, потому, что при либеральной политике

экономика становится самостоятельной, важнее, чем политика. А какой политике или какому политику это понравится? Либеральной экономике нельзя приказывать, нельзя на нее топнуть ногой, или скомандовать — «Марш выполнять экономически-невыгодные, убыточные, задуманные в административном раже, амбициозные проекты!» Для предпринимателя такие проекты — самоубийство.

\* \* \*

Но вернемся к моноэкономике. Если экономика зависит от производства и продажи одного продукта, например, нефти, то такая «монопродуктовая» экономика, хотя и будет скукожена вокруг производства этого продукта, но это вовсе не препятствие для формирования подлинной, самостоятельной, саморегулируемой экономики, то есть такого экономического устройства этого главного, порой даже единственного, сектора, которое способно обеспечить конкурентоспособное производство даже этого единственного продукта. Что для этого нужно? Самая малость, — государству (читай — бюрократии) следует выйти из этой отрасли, сосредоточившись на контроле и наблюдении, чтобы не было монополии, чтобы производство, транспортировка, экспорт и продажа нефти были рассредоточены между множеством конкурирующих фирм, и чтобы эта конкуренция подчинялась только законам рынка. А вот если антимонопольный комитет — самый безгласный, молчаливый и застенчивый из всех административных органов российской экономики, если государство заправляет нефтегазовым сектором, не допуская никого ни к скважине, ни к трубопроводу, можете быть уверены — никакой экономики в рамках этого сектора не будет. А раз нет рынка в этом, главном, секторе нашего национального хозяйства, то откуда же он возьмется в других, неглавных секторах?

\* \* \*

Но предположим, такой рынок в нефтегазовом секторе возник. И принес доходы за счет продажи нефти за границу. Ничего в этом зазорного я не вижу. А вот то, что мы транспортируем нефть в ее «первозданном» виде, без, не то что «глубокой», — даже без «начальной» переработки, так это не ее, нефти, вина, а неизбежный результат отсутствия экономики. Только наличие экономики, а не идеологического муляжа, вымученно выдающего себя за экономику, позволяет умно распределить и перераспределить «нефтедоход». Если распределить по-умному, то и малый нефтедоход продвинет и страну, и производство; если же его расходовать по-глупому, то никакого огромного нефтедохода не хватит, производство захиреет, а потом еще объявят, что во всем виновата нефть.

У распределения — как особой сферы экономики — тоже свои принципы, закономерности, императивы. Если ими пренебрегать, что мы и делаем, то можно нефть и не добывать, — все равно доходы от нее пойдут, как говарили раньше, «кошке под хвост». Мне, например, спорт абсолютно безразличен, меня он вообще никогда не интересовал, и поэтому радоваться — в нашей реальной ситуации — выкидыванию денег на разного рода олимпиады и чемпионаты я не собираюсь. Как бы ни голосили телевизионщики и другие товарищи, я сам был в Сочи и своими глазами видел малообжитые здания и декоративный антураж вокруг, — что я, экономист, знающий недопустимо низкий уровень жизни большинства моих современников, должен думать?

И если мы за столько лет не научились экономически организовать добычу нефти, ее транспортировку и продажу, если мы не научились распределять нефтедоход в соответствии с требованиями рынка и экономики, а не по административной прихоти, —

то что нам даст модернизация производства, переход от нефтяной «иглы» к, скажем, машиностроительной? Пока мы не будем рационально распределять доход, направляя его во все карманы всех членов нашего малобогатого общества, а не только в избранные карманы избранных членов, то нет смысла и затеваться с пересаживанием на новую иглу. И люди это чувствуют, хотя и не осознают, — чего стараться, если завтра по-прежнему будешь малоимущим и невозможно будет прожить на зарплату? Если я ничего не путаю, то когда-то нынешний президент страны, отвечая на вопрос, чего он стыдится, честно сказал — стыдно быть президентом нищих. Увы, ничего не изменилось, а даже ухудшилось. Так что не пренебрегайте сферой распределения. Без ее экономизации нет смысла в модернизации производства, в развитии новых сфер и прочих экономических «зазывалках».

И последнее. Искусство управления экономикой — это искусство сидеть на «игле». Кто-то из великих сказал — «штыками можно победить, — но на них нельзя сидеть». Что ж, политике сидеть нельзя, а экономике — можно. Но для этого надо садиться на «нефтяную», «рыбную», «инновационную» и всякую другую иглу не голым, извините, задом, а предварительно обмотав этот зад «экономической подушкой».

### **Цена на нефть: стоит ли на нее сердиться?**

Итак, после постановки проблемы и объяснения, что нашу экономику погубила не ставка на нефть, а неумение построить «иглоподобную экономику», я перехожу к самым ценам на нефть. Кстати, как экономист, я вынужден сказать нечто, на первый взгляд, кошунственное, — хорошо, что рухнули цены на нефть, — продолжалось бы все, включая высокие цены, как прежде, так мы бы просто упали в пропасть,

а сейчас, если возьмемся за строительство экономики, то, может, еще успеем подготовиться к более комфортному усаживанию на традиционную «сырьевую» иглу, постепенно пересаживаясь на более продвинутую. Я осознаю, что многие мои коллеги закричат с укором — «Не более продвинутую, а — инновационную!» И все-таки не следует путать то, какой мы хотим видеть экономику, и ту высотку, до которой она, сегодняшняя, реально может дотянуться.

\* \* \*

Цена — «принцесса» рынка: капризная, пугливая, мечущаяся, свободолюбивая, — словом, мучение для экономического анализа. Но и она мечется в определенных рамках, выйти за которые просто не может. Главное же — в ее непредсказуемости. В этой непредсказуемости — вся изнуряющая обшество и экономистов суть рынка, выводящая из себя солидных людей, которые хотели бы поймать эту непредсказуемость рынка, посадить ее в клетку планирования и спокойно поживать и прогнозировать.

Ничего не получится! Где эти хваленные экономо-математики, которые рассчитывали, сколько еще валюты нам принесут высокие нефтяные цены? Где наши профессиональные светила, которые предсказывали кризис, — да мы и без вас видим, что кризис надвигается, причем он бы случился, даже если бы цены на нефть взлетели еще выше, — когда же даже экономисты поймут, что **все дело — в антиэкономическом, суперидеологическом устройстве нашего малоэкономизированного производства?** А то, что предлагают официальные экономисты, — напечатать побольше денег, снизить налоги, уменьшить процент за кредит, и прочее, очень похоже на известную ситуацию, — корабль идет ко дну, а боцман советует тщательнее вымыть палубу. Ничего не поможет, — за все приходится платить: оставили

«производство» сироткой без «Экономики»? Извольте заплатить. А уж размер платы увидят и те, кто осиротил производство, и те, кто этому не мешал.

\* \* \*

Цены на нефть то растут, то падают. Но общая долгосрочная тенденция — последовательное снижение. И это вовсе не козни Вашингтона или других злодеев, это — общемировой, глобальный тренд, условие роста эффективности мирового производства: высокие цены на нефть неизбежно оборачиваются удорожением энергоемкости производства; в результате слишком дорогой становится нефтяная «составляющая» в себестоимости продукции. Другими словами, человечество натолкнулось (и давно уже) на высокие нефтяные цены, превратившиеся в наши дни в главное препятствие роста эффективности общечеловеческого производства: нефтедобывающие (нефтеэкспортирующие) страны радуются росту цен на нефть, не обращая внимания на стоны нефтеимпортирующих экономик. Но экономика — не из тех дам, стоны которой можно игнорировать: раз предупредила падением цен, два предупредила, а потом взбунтовалась — высокая цена на нефтепродукты «не по карману» мировой экономике. Вот она и принялась за демонтаж «нефтепрепятствия». И пока его не сокрушит, — не успокоится.

Сегодня можно констатировать — еще несколько десятилетий — и инновационная экономика преодолет монополизм нефтедобывающих стран, которые останутся в прошлом, и навсегда, если немедленно не слезут с нефтяной иглы, но только для того, чтобы вновь и срочно взобраться на новую иглу. Настоящая, малоосознаваемая проблема состоит в том, что все видимые иглы уже заняты. Тогда придется — или сгонять кого-то, уже усевшегося, с пригланувшейся бывшей нефтестране, иглы, или

самим строить новую иглу. Боюсь, что нам не удастся ни первое, ни второе.

Но урок, который мы должны извлечь из уходящего в историю нефтебума, важен для умного и комфортного сидения на любой игле в любое время. А он состоит в следующем.

Какой бы товар или услугу мы бы ни взяли в качестве профилирующего (будущей «иглы»), цена на него будет то расти, то падать. И если этот товар будет востребован и импортирован другими странами, то он будет во многом определять дороговизну создаваемого в этих других, импортирующих данный товар, странах совокупного продукта. И если вновь монопольно-владеющие этим товаром страны позволят себе завышать цены, то повторится ситуация с нефтью — мировая экономика, человечество не позволит эксплуатировать себя монополизмом, чтобы страны-монополисты вновь присваивали новейший вариант абсолютной ренты. Придумают что-нибудь — и вновь убегут от этого товара, как сегодня бегут от нефти.

Но вот что интересно: тогда, когда цена на нефть была высока, и создаваемый в нефтеимпортирующих странах совокупный продукт дорожал из-за дороговизны нефти, все это оборачивалось для неразумно радующейся нефтеэкспортирующей страны соответствующей дороговизной импортируемого из нефтезависимых стран продукции. Другими словами, все, что нефтеэкспортирующая страна выигрывала в качестве монопольно-торгующего нефтью продавца, она же проигрывала, приобретая продукцию из той страны, в которую радостно сбывала дорогую нефть. Не знаю, ясно ли я объяснил, но дело обстоит именно так.

Если же цена на нефть падала, то дешевел и производимый нефтеимпортируемыми странами продукт, и то, что нефтеэкспортирующая страна теряла как продавец нефти, она выигрывала как покупатель не-нефтяного товара.

Разумеется, все это происходит с существенным временным лагом. Поэтому «игловая» экономика — это экономика «лагового» мышления, прогнозирования и расчета. Тут нужен, извините, другому не скажешь, толстый, крепкий, «лаговый» зад. На языке экономиста такой «зад» называется прочностью, или — устойчивостью. Если же любое удешевление нефтесен способно повергнуть нефтеэкспортирующую страну в шок, то это значит только одно — зад тощий, слабый, не, извините, «лаговый».

На любую иглу надо садиться не голым («производственным») задом, а предварительно упаковав этот производственный зад в «экономическую оболочку», — а это именно то, что не собирается, в отличие от других нефтедобывающих стран<sup>1)</sup>, ни в какую делать наше начальство, упорно занимаясь «внеэкономическим» обновлением производства. Утопия, — НЕ ОБНОВИВ ЭКОНОМИКУ, НЕВОЗМОЖНО ОБНОВИТЬ ПРОИЗВОДСТВО! СТРАНЕ НЕ ХВАТАЕТ НЕ НОВОГО ПРОИЗВОДСТВА, А ХОТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ЭКОНОМИКИ!

Почему же такая ненависть к экономическому обновлению, а все надежды возлагаются на производственное обновление? Да потому, что производ-

<sup>1)</sup> «Сторонники тезиса об „экономической отсталости России“, ее „сырьевой направленности“ как-то „забывают“, что многие другие развитые страны добились своего статуса во многом благодаря продаже сырья, в том числе — энергетического. Так, Британская Империя в XIX веке была крупнейшим экспортером угля, который поставлялся, в частности, в Санкт-Петербург (но никому почему-то не приходит в голову говорить о том, что Англия была „страной-кочкарой“, „сырьевым придатком Российской империи“). США в первой половине XX века были крупнейшим экспортером нефти и продуктов ее переработки: в 1950-е годы половина всей нефти, продававшейся на мировых рынках, имела американское происхождение. Причем в те времена Соединенные Штаты считались на Западе эталоном экономического развития, и никто почему-то не упрекал их в той роли, какую нефть играла в их экономике и экспорте» ([http://ruxpert.ru/Нефтяная\\_игла](http://ruxpert.ru/Нефтяная_игла)).

ственное обновление связано с технологической революцией, а экономическое — с социальной модернизацией, а там, глядишь, втянется политика, и — пошло-поехало... Нет уж, лучше от экономического обновления подальше

\* \* \*

Всем неэкономистам кажется, что нет ничего легче, чем управлять экономикой. Ну, что с ними делать? Вот почему я — за эффективное политико-экономическое образование неэкономистов, и главное, что они должны

понять, — вывод все научной политической экономии — НЕ ЛЕЗЬТЕ В ЭКОНОМИКУ, оставьте ее в покое, она сама знает, что лучше — административная, криминальная, коррумпированная экономика, или — либеральная, демократическая, хаотическая свобода и непредсказуемость, пусть решает сама Экономика, не лезьте и к предпринимателям, и вообще ни к кому не лезьте, оставьте всех в покое, — и получите высокоэффективную конкурентную экономику!